

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Р.И. Капелюшников

И ЕЩЕ РАЗ — О ТЕОРЕМЕ КОУЗА
(критические заметки)

Препринт WP3/2006/02

Серия WP3
Проблемы рынка труда

Москва
ГУ ВШЭ
2006

УДК 330.837
ББК 65.02
К 20

К 20 **Капелюшников Р.И.** И еще раз — о теореме Коуза (критические заметки).
Препринт WP3/2006/02. — М.: ГУ ВШЭ, 2006. — 32 с.

Теорема Коуза составляет концептуальный фундамент современного неинституционального анализа. К сожалению, новейшая отечественная литература, посвященная теореме Коуза, стала источником множества недоразумений, ложных комментариев и произвольных толкований. В работе на примере ряда разделов из недавно вышедшего учебника по институциональной экономике под ред. А. Олейника вскрываются типичные ошибки, встречающиеся при ее интерпретации. Критический анализ позволяет сделать вывод, что даже некоторые ведущие российские авторы, специализирующиеся в области институциональной экономики, зачастую имеют весьма приблизительное и неточное представление о теоретических идеях Р. Коуза.

УДК 330.837
ББК 65.02

Капелюшников Р.И. On the Coase Theorem — Once Again (Critical Remarks).
Working paper WP3/2006/02. — Moscow: State University — Higher School of Economics, 2006. — 32 p. (in Russian)

The Coase theorem provides a conceptual foundation for modern neo-institutional analysis. Regrettably new Russian publications on the Coase theorem produced a long list of fallacies, misunderstandings and false interpretations. Using as a striking example the recently published intermediate textbook on institutional economics ed. by A. Oleynik author reveals typical errors committed by Russian commentators of the Coase theorem. His critical analysis demonstrates that even some leading Russian authorities on the institutional economics often have vague and biased notions about theoretical ideas of R. Coase.

Препринты ГУ ВШЭ размещаются на сайте: <http://www.hse.ru/science/preprint>

© Капелюшников Р.И., 2006
© Оформление. ГУ ВШЭ, 2006

В 2005 г. вышел в свет новый учебник по институциональной экономике для магистров, подготовленный представительным коллективом отечественных и зарубежных исследователей. Глава II.6 — «Институциональный анализ государства» — написана научным редактором издания А. Олейником¹.

Сквозная тема главы — нормативные критерии, которыми может (и должно) руководствоваться государство при распределении прав собственности. По ходу изложения ее автор допускает высказывания, которые, боюсь, сильно осложнят жизнь будущим магистрам экономики. Так, он утверждает, что чем универсальнее «правила игры», устанавливаемые государством, тем ниже транзакционные издержки. Нелегко, однако, понять, каким образом снижению транзакционных издержек может поспособствовать такое, например, универсальное правило, как запрет на совершение любых сделок купли-продажи без получения предварительного разрешения от государства. «Точки равновесия Нэша» характеризуются им как исходы, удовлетворяющие «критерию наибольшей выгоды», хотя равновесие по Нэшу, как хорошо известно, во многих случаях оказывается субоптимальным, т.е. менее выгодным, чем какие-то другие возможные исходы. К принципам справедливости А. Олейник относит «оптимум Парето» и «оптимум Калдора», тогда как общепринятый подход заключается в том, чтобы рассматривать их в качестве критериев экономической эффективности. (Ведь они ничего не говорят нам о том, какое распределение доходов и богатства можно было бы считать «справедливым».) Максимизацию полезности он фактически отождествляет с максимизацией денежной выгоды (с достижением наибольшей выгоды в «сфере денег», по его образному выражению²), хотя это очевидным образом не одно и то же. Ничего не говорится в главе и об альтернативных нормативных подходах к проблеме определения прав собственности, активно обсуждаемых экономистами, — например, о «трудовой теории собственности», впервые сформулированной Дж. Локком и разрабатываемой сегодня представителями неоавстрийской школы (согласно этому подходу, правом собственности на ресурс должен обладать тот, кто первым «сместил» с ним свой труд)³.

¹ См.: Институциональная экономика / Под ред. А. Олейника. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 554—590.

² Указ. соч. С. 556—560.

³ См., например: Хонне Г.-Г. О конечном обосновании этики частной собственности // Отечественные записки. 2004. № 6.

Впрочем, не эти неточности подтолкнули меня к написанию настоящих заметок (хотя нельзя не признать, что для учебного пособия степень их концентрации все же великовата). Отправной пункт аргументации А. Олейника составляет критический анализ теоремы Коуза, причем к ее опровержению он обращается не впервые. Расширенная версия того же анализа уже была представлена им ранее в статье «Роль государства в установлении прав собственности (К вопросу о теореме Коуза)»⁴, которая, как следует из пояснений самого автора, и была затем положена в основу главы для учебника по институциональной экономике. (Насколько большое значение А. Олейник придает обсуждению теоремы Коуза видно хотя бы из того, что упоминание о ней оказалось даже вынесено в подзаголовок его статьи.) Именно эта часть его рассуждений, на мой взгляд, представляет наибольший интерес и именно на нее мне хотелось бы дать развернутый комментарий. Поскольку же первоначальная журнальная публикация несколько полнее отражает его представления о коузовском подходе, в дальнейшем я буду обращаться преимущественно к ней.

Должен заранее попросить у читателя прощения за то, что мои заметки будут в несколько раз больше того раздела статьи А. Олейника, где речь идет непосредственно о теореме Коуза. Однако в отечественной экономической литературе накопилось столько недоразумений по ее поводу, что такой сверхподробный разговор не будет, как я надеюсь, лишним.

Новая версия теоремы Коуза?

Но сначала, наверное, имеет смысл напомнить, чему же собственно посвящена теорема Коуза. Как известно, идеи, которые легли в ее основу, были высказаны Рональдом Коузом в ставшей знаменитой статье «Проблема социальных издержек» (1960 г.)⁵. В общепринятой формулировке теорема гласит: «Если права собственности четко определены и трансакционные издержки равны нулю, то аллокация ресурсов (структура производства) будет оставаться неизменной и эффективной независимо от изменений в распределении прав собственности». Таким образом, выдвигаются два достаточно неожиданных тезиса —

⁴ См.: Олейник А. Роль государства в установлении прав собственности (К вопросу о теореме Коуза) // МЭиМО. 2003. № 7.

⁵ См.: Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Дело, 1993. С. 87—119.

во-первых, об эффективности и, во-вторых, о неизменности (инвариантности) размещения ресурсов по отношению к распределению прав собственности (т.е. структура производства должна оставаться той же самой независимо от того, кто каким ресурсом владеет). Различают «сильную» и «слабую» версии теоремы Коуза. Первая включает требования как эффективности, так и инвариантности, вторая — только требование эффективности. Теорема выполняется при двух условиях — полной спецификации прав собственности и нулевых трансакционных издержках.

Для доказательства Коуз использовал ряд примеров — частью условных, частью взятых из реальной жизни. Один из них — о расположенных по соседству земледельческой ферме и скотоводческом ранчо — наглядно иллюстрирует логику его рассуждений. Представим, что существует неогороженный участок, возделываемый фермером, и что на эту пограничную полосу земли может забредать, вытаптывая посевы, скот его соседа. Казалось бы, перед нами очевидный пример «провала рынка» — негативной экстерналии (вредного внешнего эффекта), для устранения которой необходимо вмешательство государства. Именно так интерпретировала подобные ситуации традиционная экономическая теория благосостояния, опиравшаяся на идеи А. Пигу. Однако из теоремы Коуза следует прямо обратный вывод: если закон разрешает фермеру и скотоводу вступать в добровольные соглашения по поводу возможной потравы, то тогда никакого вмешательства государства не требуется; все разрешится само собой.

Допустим, чистый доход хозяина ранчо, который он мог бы выручить от увеличения своего стада на одну единицу, составляет 3 доллара, тогда как чистый доход фермера, который он мог бы получить от выращенного на данном участке зерна, — 5 долларов. Предположим далее, что в случае появления на соседском ранчо еще одной дополнительной коровы ущерб от вытоптаных ею посевов окажется равен также 5 долларам. Как и Коуз, я буду обозначать чистые доходы экономических агентов термином «ренды». В рассматриваемой ситуации оптимальная аллокация ресурсов достигается при условии максимизации суммы ренты фермера и скотовода. Увеличение стада еще на одну голову нарушает его. Но если скотовод не несет ответственности за потраву, то тогда, казалось бы, ничто не должно помешать ему завести лишнюю корову, поскольку он от этого только выиграет, а пострадает его сосед. Его решение станет источником отрицательного экстерналичного эффекта и ресурсы общества окажутся размещены не самым эффективным образом.

Однако, согласно Коузу, независимо от того, кому принадлежит право прохода по пограничной полосе земли — фермеру или скотоводу, неоптимальное решение о выращивании дополнительной коровы не будет принято. Если правом не допускать прохода обладает фермер, у него будет возможность потребовать компенсацию, равную причиненному ущербу, и, сопоставив потери и выгоды, скотовод откажется от своего плана как явно убыточного. Но результат будет таким же, если по закону хозяин ранчо не несет ответственности за потраву. Фермер предложит тогда ему выкуп за отказ от увеличения стада. Источником выкупа станет ожидаемый доход фермера, который больше того, что скотовод мог бы заработать на лишней корове. Подобная сделка будет отвечать интересам обеих сторон, так что урожай зерна и поголовье скота останутся точно такими же, как и в предыдущем случае.

Теорема Коуза демонстрирует: кому бы изначально ни принадлежало право собственности, в конечном счете оно все равно перейдет к тому агенту, который ценит его выше. Как следствие, при любом распределении прав собственности структура производства будет оставаться эффективной и неизменной. Когда закон не запрещает заключать сделки по поводу внешних эффектов, «провалов рынка» не происходит и государство лишается оснований для вмешательства с целью корректировки рыночного механизма.

Однако это общее положение сохраняет силу лишь при низких трансакционных издержках. Когда они велики, распределение прав собственности перестает быть нейтральным фактором и начинает влиять на эффективность и структуру производства. Тогда у общества возникает заинтересованность в том, чтобы число трансакций, связанных с передачей прав собственности по цепочке обменов, было как можно меньше. Соответственно наилучшим решением оказывается изначально закрепление правомочий за теми агентами, которые ценят их выше и которые способны получать от их использования максимальную выгоду. В противном случае из-за высоких трансакционных издержек правомочия могут так никогда и не дойти до этих агентов или дойти до них, но с большими промежуточными затратами⁶. Поэтому, полагал Коуз, было бы разумно, если бы государство (в част-

⁶ Если, скажем, в нашем примере право прохода по пограничной полосе земли принадлежит скотоводу, а трансакционные издержки, связанные с осуществлением сделки по купле-продаже этого права, превышают 2 доллара, то тогда оно не сможет перейти к фермеру. В результате аллокация ресурсов окажется менее эффективной, чем она могла бы быть при ином изначально распределении прав собственности.

ности — суды) руководствовалось в своей деятельности принципом минимизации трансакционных издержек и стремилось к тому, чтобы наделять правами собственности «эффективных собственников», т.е. экономических агентов, которые при нулевых трансакционных издержках становились бы их конечными держателями. (На практике, по его наблюдениям, суды чаще всего так и пытаются действовать.)

Именно эти нормативные соображения Коуза А. Олейник расценивает как несостоятельные. По его мнению, даже при отсутствии трансакционных издержек далеко не всегда можно определить, кого из агентов следует считать «эффективным собственником» (т.е. для кого из них те или иные правомочия представляют наибольшую ценность). Вследствие этой неопределенности коузовский принцип экономии трансакционных издержек оказывается малодейственным.

В подтверждение своей точки зрения А. Олейник приводит два условных примера с коузовскими фермером и скотоводом. В случае **A** чистый доход фермера, чистый доход скотовода и ущерб от потравы задаются им равными соответственно 1 доллару, 2 долларам и 1 доллару, тогда как в случае **B** все они задаются равными 1 доллару. В первом случае он обнаруживает два, а во втором — три равновесия по Нэшу. Тем не менее в случае **A** подход Коуза, по мнению А. Олейника, срывается, поскольку наиболее эффективный собственник выявляется однозначно — им оказывается скотовод. Иначе, полагает он, обстоит дело в случае **B**: поскольку право прохода по пограничной полосе земли обладает одинаковой ценностью для обоих участников, то в зависимости от того, за кем оно будет закреплено изначально, в роли «эффективного собственника» может выступать любой из них — как фермер, так и скотовод.

Таким образом, в ситуациях, аналогичных случаю **B**, нормативные заключения Коуза утрачивают силу: рынок (а значит, и государство) «оказывается неспособным определить наиболее эффективного собственника»⁷. Отсюда А. Олейник делает вывод о том, что при распределении прав собственности государству надлежит использовать иные, моральные критерии — критерии справедливости, которые в коузовском анализе не находят никакого отражения, поскольку в нем универсальное значение приписывается принципу «наибольшей выгоды»⁸. В противовес такому узкоэкономическому подходу выдвигается следующая «усовершенствованная» версия теоремы Коуза: «Когда права собственности четко определе-

⁷ Олейник А. Указ. соч. С. 53.

⁸ Там же. С. 52.

ны и трансакционные издержки равны нулю, то первоначальное распределение прав собственности не окажет влияния на структуру производства, если отвлечься от эффекта дохода и всех обоснований справедливости, за исключением наибольшей выгоды»⁹.

Как определить «эффективного собственника»?

А. Олейник — автор известного учебника¹⁰, выдержавшего несколько изданий, а также многочисленных научных публикаций по проблемам институциональной экономики. Казалось бы, уже одного этого достаточно, чтобы ожидать от него внятного, квалифицированного изложения теоремы Коуза, составляющей концептуальный фундамент современного неоинституционального анализа. К сожалению, при ближайшем знакомстве с его аргументацией эти ожидания не оправдываются.

1. А. Олейник дважды мистифицирует читателя, заявляя, что один из рассматриваемых им примеров — случай А — сконструирован самим Коузом и использовался в его статье для анализа сделки по поводу потравы. (Таблица, описывающая этот случай, так прямо и озаглавлена — «Торг между фермером и скотоводом по Коузу».) Однако в тексте «Проблемы социальных издержек» ничего этого обнаружить нельзя.

Во-первых, условный пример, используемый в коузовской статье, выглядит иначе: чистый доход фермера — 2 доллара, ущерб от потравы — 1 доллар, чистый доход скотовода — больше стоимости потравленных посевов. Насколько больше Коуз не уточняет, ограничиваясь общим пояснением, что скотовод «не будет увеличивать стада до тех пор, пока ценность дополнительно произведенного мяса... не превысит величину дополнительных издержек, в том числе ценность дополнительно стравленных посевов»¹¹. Так что авторство формулировки не только случая В, но и случая А целиком принадлежит А. Олейнику.

Во-вторых, ни о каком «торге» в примере Коуза речь не идет. Он приводит его с прямо противоположной целью — чтобы проиллюстрировать, что в данном случае никакой необходимости в заключении сделки между фермером и скотоводом нет: максимизация социального продукта достигается без нее¹².

⁹ Олейник А. Указ. соч. С. 55.

¹⁰ Олейник А. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2005.

¹¹ Коуз Р. Указ. соч. С. 90.

Надо ли говорить, что в результате такого переименования от оригинального коузовского анализа мало что остается?

2. Первое, что сразу же бросается в глаза при обращении к условным примерам, которыми оперирует сам А. Олейник, — это крайне неудачная терминология, используемая для их описания. Известно, что правомочие может быть защищено либо «правилом собственности», либо «правилом ответственности»¹³. В первом случае обязательным условием доступа к ресурсу является получение предварительного разрешения от его владельца. Во втором случае никакого предварительного разрешения не требуется — доступ к ресурсу может быть получен без согласия владельца при условии выплаты ему компенсации за нанесенный ущерб.

А. Олейник полностью дезориентирует читателя, поскольку ситуация для фермера описывается им в терминах «правила ответственности» (требовать/не требовать возмещения за потраву), тогда как ситуация для скотовода — в терминах «правила собственности» (выкупать/не выкупать право прохода по пограничной полосе земли). Еще большая путаница возникает из-за использования выражения «выкуп права на запрещение вредного использования»¹⁴. Под этим может подразумеваться либо «взятка», уплачиваемая скотоводом за получение от фермера разрешения на проход скота, либо «взятка», уплачиваемая им фермеру за его отказ от выращивания зерна на пограничном участке (фактически — за уход фермера со спорной территории). Очевидно, что эти стратегии не идентичны: в одном случае деятельность могут продолжать оба участника, в другом — только один.

Неудивительно, что в таком нагромождении терминологических двусмысленностей экономическая логика ситуации прослеживается с большим трудом. Чтобы предупредить подобные недоразумения, я буду описывать взаимоотношения между фермером и скотоводом последо-

¹² Чтобы потребность в подобной сделке существовала, исходные параметры ситуации должны быть иными. Как поясняет Коуз с помощью другого условного примера, если бы ущерб от потравы равнялся 3 долларам, а величина ренты от разведения скота превосходила эту сумму, то тогда скотоводу действительно было бы выгодно предложить фермеру «взятку» за отказ от возделывания пашни (в пределах от 2 до 3 долларов), а тому эту «взятку» принять (см.: Коуз Р. Указ. соч. С. 90).

¹³ См.: Calabresi G., Melamed A. D. Property Rules, Liability Rules, and Inalienability: One View of the Cathedral // Harvard Law Review. 1972. Vol. 85. № 2.

¹⁴ Олейник А. Роль государства в установлении прав собственности (К вопросу о теореме Коуза). С. 53.

вательно исходя из «правила ответственности». При этом я ограничусь рассмотрением правового режима, при котором закон находится на стороне фермера (в работе А. Олейника обсуждается только он — альтернативный правовой режим, при котором право прохода по пограничной полосе земли принадлежало бы скотоводу, в ней вообще не затрагивается¹⁵).

3. Следующий важный момент заключается в том, что для опровержения теоремы Коуза (или ее «усовершенствования» — как кому больше нравится) А. Олейник апеллирует к совершенно неправдоподобному условному примеру. Я имею в виду случай **В**, предполагающий строгое равенство между тремя величинами — рентой фермера, рентой скотовода и ущербом от потравы. Едва ли мы сильно ошибемся, если на вопрос, как часто в реальной жизни встречаются такие тройные совпадения, ответим: практически никогда. Во всяком случае сам А. Олейник не приводит никаких свидетельств того, что ситуации подобного типа встречаются в реальной деловой практике, ссылки на судебные прецеденты или какие-либо иные формы хозяйственных конфликтов в его работе отсутствуют.

Возникает вопрос: может ли этот экзотический, явно искусственный пример служить основанием для тех далеко идущих обобщений (об ограниченности коузовского подхода и т. д.), которые он призван подкреплять? И даже если мы поверим, что такие удивительные совпадения встречаются чуть ли не на каждом шагу, все равно остается недоумение: зачем государству в подобных ситуациях апеллировать к каким бы то ни было «моральным» критериям? Не проще ли было бы определять собственника чисто случайным образом — скажем, путем подбрасывания монеты, раз уж его выбор все равно никак не будет сказываться на эффективности размещения ресурсов? По крайней мере существенную экономию транзакционных издержек это наверняка обеспечило бы.

4. В последнее время среди российских авторов стало модным по поводу и без повода выписывать платежные матрицы размерностью 2×2 с произвольно подобранными значениями и отыскивать для них точки равновесия по Нэшу, не слишком задумываясь об экономическом смысле производимых расчетов. Похоже, для некоторых исследователей подобные арифметические экзерсисы стали удобной заменой

¹⁵ Анализ взаимодействия между фермером и скотоводом в условиях правового режима, при котором закон находится на стороне скотовода, представлен в Приложении 1.

как теоретического осмысления изучаемых проблем, так и погружения в их эмпирический анализ. Боюсь, что работа А. Олейника вполне вписывается в этот ряд.

Сконструированные им для случаев **А** и **В** платежные матрицы воспроизводятся в табл. 1 и 2 (с упомянутыми ранее терминологическими корректировками). Они показывают, на какие выигрыши могут рассчитывать экономические агенты при выборе той или иной стратегии в условиях правового режима, при котором на скотоводе лежит ответственность за потраву. Однако при определении отдельных элементов этих матриц А. Олейник допускает явные просчеты.

Таблица 1. Чистые доходы скотовода и фермера при правовом режиме, при котором скотовод несет ответственность за потраву — случай **А**

		Фермер	
		выращивать зерно	не выращивать зерно
Скотовод	заводить корову	(1; 0) [1; 1]	(2; 0)
	не заводить корову	(0; 1)	(0; 0)

Таблица 2. Чистые доходы скотовода и фермера при правовом режиме, при котором скотовод несет ответственность за потраву — случай **В**

		Фермер	
		выращивать зерно	не выращивать зерно
Скотовод	заводить корову	(0; 0) [0; 1]	(1; 0)
	не заводить корову	(0; 1)	(0; 0)

Обратимся к верхней левой ячейке табл. 1, где стоит (1; 0). Читателю остается только догадываться, куда подевалась целая половина ренты скотовода. На самом деле правильный расчет для случая **А** в ситуации, при которой и фермер и скотовод продолжают заниматься своей деятельностью, выглядит так:

$$\begin{aligned} \text{выигрыш скотовода} &= 2 \text{ долл. (рента от дополнительной коровы)} - 1 \text{ долл.} \\ & \text{(компенсация фермеру за причиненный ущерб)} = 1 \text{ долл.} \\ \text{выигрыш фермера} &= 1 \text{ долл. (рента от выращивания зерна)} - 1 \text{ долл. (ущерб} \\ & \text{от потравы)} + 1 \text{ долл. (компенсация от скотовода за причиненный ущерб)} = \\ & = 1 \text{ долл.} \end{aligned}$$

Таким образом, в этой ячейке должно было бы стоять (1; 1), а не (1; 0).

Аналогичным образом в верхней левой ячейке табл. 2 вместо (0; 0) должно было бы стоять (0; 1):

выигрыш скотовода = 1 долл. (рента от дополнительной коровы) — 1 долл. (компенсация фермеру за причиненный ущерб) = 0 долл.
выигрыш фермера = 1 долл. (рента от выращивания зерна) — 1 долл. (ущерб от потравы) + 1 долл. (компенсация от скотовода за причиненный ущерб) = 1 долл.

В результате при правильном определении элементов платежных матриц в табл. 1 и 2 (их скорректированные значения приводятся в соответствующих ячейках в квадратных скобках) мы обнаруживаем, что для случая **A** имеются не два, а одно, а для случая **B** — не три, а два равновесия по Нэшу. В случае **A** строго доминирующая стратегия есть у обоих участников, а в случае **B** у одного из них — фермера¹⁶.

Следует также отметить, что нулевые элементы в различных ячейках платежной матрицы в табл. 2 имеют разный экономический смысл. В одних случаях нулевой выигрыш означает отказ от деятельности (производства зерна или выращивания скота), в других — продолжение деятельности при получении нулевой ренты. Отсутствие ренты от пользования тем или иным участком земли свидетельствует лишь о том, что он является предельным в экономическом смысле. В условиях равновесия такой участок будет приносить нулевую экономическую прибыль, однако все кооперирующиеся с ним факторы смогут при этом оплачиваться по рыночным ставкам. Таким образом, он вполне может оставаться в хозяйственном обороте, поскольку выручка от полученного на нем урожая или выращенного скота будет достаточна для того, чтобы: а) выплатить нанятым работникам рыночную заработную плату; б) уплатить поставщикам капитала рыночный процент; в) получить после всего этого «нормальную прибыль», т.е. такое же вознаграждение, которое за свои организационные и управленческие усилия получают другие предприниматели¹⁷.

¹⁶ В главе из учебника под его редакцией А. Олейника почему-то меняет точку зрения, обнаруживая для случая **B** два равновесия по Нэшу — в нижней левой и в верхней правой ячейках (см.: Институциональная экономика / Под ред. А. Олейника. С. 557). Похоже, сконструированные им условные примеры оказались настолько непрозрачными, что у него самого нет уверенности, какую же их интерпретацию следовало бы считать корректной.

¹⁷ Существует достаточно представительная литература, посвященная анализу теоремы Коуза в ситуациях, где либо оба участника, либо один из них ведут деятельность на

5. В рассуждениях А. Олейника платежные матрицы **A** и **B** фигурируют под названием, которое никак не соответствует их содержанию, — «Торг между фермером и скотоводом». На самом деле обнаружить в них какие-либо признаки «торга» при всем желании невозможно. Перед нами — простейшие матрицы, широко используемые для описания игровых ситуаций, в которых участники не имеют возможности свободно общаться и брать на себя заслуживающие доверия обязательства. (Хрестоматийный пример — дилемма заключенного.) Невяжно такие ситуации подразумевают существование запретительно высоких транзакционных издержек, в принципе исключающих какие-либо сделки по передаче прав собственности.

Однако теорема Коуза исходит из прямо противоположной предпосылки — нулевых транзакционных издержек. В подобных условиях предположение о том, что фермер и скотовод отделены друг от друга непроницаемыми коммуникационными перегородками и вынуждены действовать полностью обособленно, теряет силу. Ничто не мешает им пойти по другому пути и попытаться заключить сделку по поводу потравы. Так, скотовод мог бы предложить фермеру «взятку» за отказ от выращивания зерна. Собственно коузовское решение сводится именно к этому — к прямым переговорам, обеспечивающим участникам максимальный общий выигрыш.

Похоже, А. Олейник не осознает разницы между ситуациями, где у игроков есть возможность влиять на решения друг друга при помощи трансфертных платежей и где у них такой возможности нет. Иначе трудно объяснить его настойчивые попытки втиснуть «торг» между фермером и скотоводом в матрицу 2×2 , хотя он очевидным образом в нее не вмещается. (Более корректный способ его описания в матричной форме представлен в Приложении 2.)

Легко убедиться, что в случае **A** при получении фермером «взятки» от скотовода выигрыши участников распределились бы следующим образом:¹⁸

предельных участках земли, не приносящих ренты. См., например: *Wellisz S.* On External Diseconomies and the Government-Assisted Invisible Hand // *Economica*. 1964. Vol. 31. № 124; *Nutter G. W.* The Coase Theorem on Social Cost: A Footnote // *Journal of Law and Economics*. 1968. Vol. 11. № 2; *Regan D. H.* The Problem of Social Cost Revisited // *Journal of Law and Economics*. 1972. Vol. 15. № 2; *Auten G. E.* Discussion. Theory and Measurement of Economic Externalities. N. Y., 1976; *Zerbe R. O.* Problem of Social Cost in Retrospect // *Research in Law and Economics*. 1980. Vol. 2.

¹⁸ А. Олейник ошибочно утверждает, что в случае **A** «скотовод в любом случае выкупит это право (прохода по спорной полосе земли. — *P. K.*) у фермера за любую сумму от 1 до 2 долл.»

выигрыш скотовода = 2 долл. (рента от дополнительной коровы) — 1 долл. («взятка» фермеру за отказ от выращивания зерна) = 1 долл.
 выигрыш фермера = 1 долл. («взятка» от скотовода за отказ от выращивания зерна) = 1 долл.

Для случая **В** расчет выглядит аналогично:

выигрыш скотовода = 1 долл. (рента от дополнительной коровы) — 1 долл. («взятка» фермеру за отказ от выращивания зерна) = 0 долл.
 выигрыш фермера = 1 долл. («взятка» от скотовода за отказ от выращивания зерна) = 1 долл.

Комментируя результаты подобной сделки для случая **В**, А. Олейник делает неожиданный вывод, что при ее осуществлении «ценность продукции не будет максимальной»¹⁹. Это чрезвычайно сильное утверждение. Будь оно справедливо, теореме Коуза можно было бы сдавать в архив, поскольку тем самым была бы продемонстрирована несостоятельность ее центральной посылки — тезиса об эффективности. К сожалению, остается загадкой, на чем основана эта странная претензия. Во всяком случае приведенные выше оценки никак ее не подтверждают. Из них ясно следует, что при выплате скотоводом «взятки» фермеру за отказ от выращивания зерна их совокупный чистый доход достигает максимально возможных значений — 2 доллара в случае **А** и 1 доллар в случае **В**. Думаю, этого вполне достаточно, чтобы считать очередную попытку опровергнуть теорему Коуза не состоявшейся.

6. Хотя А. Олейник несколько раз упоминает в своей работе о возможности прямого «торга» между фермером и скотоводом, среди приводимых им количественных оценок нет таких, которые соответствовали бы коузовскому решению, связанному с дачей скотоводом «взятки» за уход фермера с пограничного участка. Но только с учетом этого решения число эквивалентных исходов взаимодействия между ними увеличивается до двух в случае **А** и до трех в случае **В**:²⁰

(Олейник А. Указ. соч. С. 53). Это, конечно, не так. В условиях, которые предполагаются случаем **А**, скотовод будет готов предложить фермеру лишь одну-единственную сумму, а именно — 1 доллар. Предлагать «взятку» большего размера ему нет никакого смысла. Ведь у него имеется возможность пойти по альтернативному пути и выплатить фермеру возмещение за потраву, затратив на это всего лишь 1 доллар.

¹⁹ Олейник А. Указ. соч. С. 53.

²⁰ Однако среди этих исходов нет точек (2; 0) для случая **А** и (1; 0) для случая **В**, которые А. Олейник ошибочно объявляет равновесными. Таким образом, из пяти равновесных исходов, которые предполагаются его примерами, неверно обозначены им четыре! Это ли не рекорд?

Случай А

заводить корову/ выращивать зерно
 (участники не вступают в сделку) = (1; 1)

заводить корову/ не выращивать зерно
 (участники заключают сделку) = (1; 1)

Случай В

заводить корову/ выращивать зерно
 (участники не вступают в сделку) = (0; 1)

не заводить корову/ выращивать зерно
 (участники не вступают в сделку) = (0; 1)

заводить корову/ не выращивать зерно
 (участники заключают сделку) = (0; 1)

Как видим, в рамках подобранных А. Олейником примеров стратегия, связанная с предложением «взятки», оказывается для скотовода ничуть не предпочтительнее стратегии, связанной с выплатой компенсации за ущерб (потому эти примеры трудно признать подходящими для иллюстрации логики теоремы Коуза — хотя бы с педагогической точки зрения). Точно так же и фермеру безразлично — отказаться от выращивания зерна, приняв предложенный выкуп, или продолжать его производить, получая компенсацию за потраву. На этом основании А. Олейник называет «простой торг» между фермером и скотоводом «безрезультатным»²¹. (Наверное, правильнее было бы назвать его «излишним»: зачем экономическим агентам вступать в сделку, от которой их положение не станет лучше, чем без нее?)

Но множественность эквивалентных исходов, с которой мы здесь сталкиваемся, сохраняется и тогда, когда никакого собственника выбирать не нужно. Представим, что фермер и скотовод решили образовать совместную земледельческо-скотоводческую фирму. Этой объединенной фирме точно так же пришлось бы выбирать между двумя одинаково эффективными вариантами деятельности в случае **А** и тремя одинаково эффективными вариантами деятельности в случае **В**. Поэтому утверждать, что коузовский критерий не позволяет делать выбора между несколькими равно эффективными собственниками, — это по сути то же самое, что утверждать, что принцип максимизации

²¹ Олейник А. Указ. соч. С. 53.

полезности не позволяет делать выбора между несколькими равно привлекательными наборами потребительских благ или что принцип максимизации прибыли не позволяет делать выбора между несколькими равно прибыльными инвестиционными проектами.

Однако для эффективного размещения ресурсов общества важно лишь то, чтобы какое-нибудь из этих решений было принято, а какое и под влиянием каких соображений — моральных, эстетических, политических, мистических или чисто случайно — в данном случае не имеет значения. Фактически приводимые А. Олейником примеры отсылают к более общей (и добавлю — иррелевантной для экономической теории) ситуации, которая не имеет прямого отношения к проблеме распределения прав собственности как таковой. По поводу же значимости моральных факторов хотелось бы только заметить, что их подлинная роль выявляется не тогда, когда из нескольких равно выгодных вариантов действий выбирается какой-то один, а тогда, когда под влиянием нравственных императивов принимаются решения, *идущие вразрез* с чисто экономическими интересами.

7. Еще важнее, как именно А. Олейник интерпретирует наличие нескольких эквивалентных исходов в случае **В**. Его утверждение о том, что в подобных условиях государство неспособно определить наиболее эффективного собственника, создает впечатление, что правами на ресурсы могут ошибочно наделяться экономические агенты, для которых они не представляют максимальной ценности. Но это впечатление обманчивое. Парадокс рассматриваемой ситуации заключается в том, что как бы ни решило поступить государство, оно не в состоянии ошибиться: оптимальное размещение ресурсов достигается независимо от того, кто из агентов — фермер или скотовод — становится собственником спорного правомочия, поскольку и в том и в другом случае сумма их рент остается одной и той же.

8. Наши предыдущие рассуждения относились к вымышленному миру с нулевыми трансакционными издержками. Напомню, к каким основным выводам мы пришли: сконструированный А. Олейником пример (случай **В**) является откровенно надуманным и никак не соприкасается с реальной деловой практикой; при интерпретации этого случая (как, впрочем, и случая **А**) он оперирует ошибочными цифрами; вопреки его высказываниям заключение сделки по поводу потравы в обоих случаях обеспечивает оптимальную аллокацию ресурсов; наконец, в случае **В** государство оказывается не неспособным идентифицировать наиболее эффективного собственника, а, напротив, не-

способным «промахнуться», выбрав неэффективного собственника. К этому можно добавить, что если бы оно все-таки задалось вопросом, кого же из двух равно эффективных собственников — фермера или скотовода — следует наделить правом прохода по спорной полосе земли, то самым естественным для него было бы применить локковский критерий и закрепить это право за тем, кто раньше приступил к производственной деятельности. (В реальной судебной практике аналогичные вопросы очень часто решаются именно так.)

Что же изменится, если ввести фактор положительных трансакционных издержек? Как ни странно, при его введении исчезает даже та неоднозначность выбора, которая так заботит А. Олейника. В этой новой ситуации коузовский принцип минимизации трансакционных издержек будет обеспечивать единственно эффективное решение. Но чтобы убедиться в этом, необходимо прежде всего выйти за рамки узкого понимания самой категории трансакционных издержек. Эти издержки возникают не только при осуществлении индивидуальных экономических актов (таких, например, как выкуп права прохода по пограничной полосе земли или выплата компенсации за причиненный ущерб). Не свободен от них и сам процесс первоначального разграничения и установления прав собственности.

Поэтому в тех специфических условиях, которые предполагает случай **В**, самым эффективным решением, обеспечивающим максимальную экономию трансакционных издержек, был бы просто отказ от спецификации права собственности на проход по пограничной полосе земли (или, в другой терминологии, сохранение права на проход в общем доступе). При таком решении сумма рент фермера и скотовода равнялась бы 1 долл., но трансакционные издержки — как по установлению, так и по передаче прав собственности — были бы нулевыми. Любое альтернативное решение — в виде юридического закрепления права на проход либо за фермером, либо за скотоводом — вело бы к ненужной растрате ресурсов. Хотя в этих вариантах сумма рент также составляла бы 1 доллар, но ее получение сопровождалось бы дополнительными издержками, которых требовала бы спецификация права собственности.

9. И еще одно более общее замечание. Трактровка А. Олейника создает у читателя представление о Коузе как чистом утилитаристе, склонном решать любые социальные проблемы исходя исключительно из соображений полезности и экономической эффективности. На самом деле этот образ ложный. Достаточно сказать, что Коуз известен как

последовательный критик самого понятия полезности, которое он считает бесплодной теоретической фикцией, уводящей экономистов от реальности. В «Проблеме социальных издержек» он специально подчеркивает, что принимая решения о распределении прав собственности, общество должно исходить из более широкой перспективы, чем просто максимизация богатства. По его убеждению, «сопоставление полезности действия и наносимого им ущерба» не может считаться единственной задачей судов²². Он присоединяется к мнению Ф. Найта, который полагал, что «проблемы экономической теории благосостояния должны в конечном итоге вылиться в исследование эстетики и морали» и призывает к тому, «чтобы выбор между различными социальными установлениями... велся с привлечением более широких понятий и чтобы во внимание принимался общий эффект использования этих альтернативных установлений во всех сферах жизни»²³.

Таким образом, оценка издержек и выгод — далеко не все, с чем, по мнению Коуза, следует считаться при принятии решений о распределении прав собственности. И хотя обсуждению проблем эффективности он уделяет в своих работах наибольшее внимание, объясняется это его убежденностью, что экономистам есть что сказать о сравнительных достоинствах и недостатках альтернативных правовых установлений еще *до* выдвижения моральных или каких-либо иных аргументов. Так что и в этом отношении характеристику, которую А. Олейник дает коузовскому анализу, приходится признать достаточно карикатурной.

Эффект дохода

В этом разделе мне бы хотелось остановиться на вопросе, который практически не затрагивается А. Олейником, но который крайне важен для понимания логики коузовского анализа. Я имею в виду так называемый эффект дохода. Как мы видели, упоминание о нем присутствует в той версии теоремы Коуза, которой отдает предпочтение А. Олейник. Нужно признать, что включение подобной оговорки в формулировку теоремы Коуза встречается достаточно часто. Смысл данного ограничивающего условия заключается в том, что при наличии эффекта дохода теорема Коуза выполняется только в «слабой», но

²² Коуз Р. Указ. соч. С. 133.

²³ Там же. С. 140.

не в «сильной» версии: структура выпуска (размещение ресурсов) остается эффективной, но оказывается не инвариантной по отношению к распределению прав собственности.

Одним из первых, кто указал, что при наличии эффекта дохода требование инвариантности нарушается, был Э. Мишан²⁴. Перераспределение прав собственности между фермерами и скотоводами будет сопровождаться перераспределением рент между ними: у одних доходы увеличатся, у других сократятся. Но их потребительские предпочтения могут при этом сильно отличаться. Скажем, фермеры могут быть более склонны к потреблению хлеба, тогда как скотоводы — к потреблению мяса. В этом случае передача права на проход по пограничной полосе земли от фермеров к скотоводам сократит спрос на хлеб и увеличит спрос на мясо, что, естественно, должно будет сказаться и на объемах их выпуска. Итак, изменения в структуре распределения доходов вызовут изменения в структуре спроса; изменения в структуре спроса подтолкнут к изменениям в структуре выпуска; изменения в структуре выпуска потребуют изменений в структуре размещения ресурсов. Под воздействием эффекта дохода требование инвариантности окажется нарушено: аллокация ресурсов станет иной, хотя, как и раньше, будет оставаться эффективной.

Для учета этого обстоятельства многие экономисты стали вводить в формулировку теоремы Коуза оговорку относительно эффекта дохода. Многие, но не все. Голоса наиболее авторитетных исследователей «за» и «против» подобного уточнения разделились примерно поровну²⁵. Среди экономистов, всегда возражавших против этой оговорки и никогда не отказывавшихся от «сильной» версии теоремы Коуза, были те, кто по праву считаются ее главными разработчиками — сам Р. Коуз, а также Дж. Стиглер и Г. Демсец.

Чтобы пояснить суть их аргументации, воспользуемся условным примером. Представим ситуацию, сходную с той, что существовала в США в период освоения Дикого Запада. Имеется огромный массив неиспользуемых свободных земель, которые государство собираются

²⁴ См.: *Mishan E. J. Reflections on Recent Developments in the Concept of External Effects // Canadian Journal of Economics and Political Science. 1965. Vol. 31. № 1; Mishan E. J. The Post-War Literature on Externality: An Interpretative Essay // Journal of Economic Literature. 1971. Vol. 9. № 1.*

²⁵ Автором мифа о том, что убеждение в несостоятельности «сильной» версии теоремы Коуза разделяют все экономисты, является Р. Кутер (см.: *Cooter R. D. The Cost of Coase // Journal of Legal Studies. 1982. Vol. 11. № 1).*

передать в частные руки, причем для занятия определенного участка будет достаточно построить на нем хижину или прожить на нем несколько лет. (Примерно по таким правилам и происходила раздача свободных земель в США в период действия Закона о гомстедах.) Одновременно государство должно как-то определиться с вопросом об ответственности за ущерб, который стада будущих скотоводов могут наносить посевам будущих фермеров. Будет ли иметь место эффект дохода в зависимости от того, в чью пользу решится этот вопрос? Очевидно — да. При одном правовом режиме относительно богаче окажутся скотоводы (если они будут освобождены от ответственности за потраву), при другом — фермеры (если они будут иметь право требовать со скотоводов компенсацию за причиненный ущерб).

А теперь внесем в этот пример небольшую поправку. Предположим, что государство избрало иную схему приватизации и решило не просто раздавать свободные земли, а продавать их на аукционах по рыночным ценам. Зададимся тем же вопросом: будет ли в этих новых условиях в зависимости от установления того или иного правового режима возникать эффект дохода? Ответ — нет. Если скотоводы будут нести ответственность за потраву, цена земель, пригодных для их деятельности, упадет, тогда как цена земель, пригодных для деятельности фермеров, возрастет. И наоборот: если скотоводы будут освобождены от ответственности за потраву, то на аукционах они станут приобретать интересующие их участки земли по более высоким ценам, тогда как фермеры — по более низким. Какое бы решение ни приняло государство, ничьи доходы не уменьшатся и не увеличатся.

На этом условном примере хорошо видно, что эффект дохода порождается специфической схемой приватизации, избранной государством, а вовсе не перераспределением прав собственности как таковым²⁶. Эффект дохода возникает только в случае «нерыночного» перераспределения правомочий между экономическими агентами: у одних что-то безвозмездно забирается, другим что-то безвозмездно передается.

²⁶ Сама по себе перемена правовой позиции никак не будет отражаться на сравнительной прибыльности разведения скота и выращивания зерна. Дело в том, что передача права на проход от фермеров к скотоводам сразу же отразится на рыночной ценности принадлежащих им земельных участков. Соответственно альтернативные издержки (opportunity costs), связанные с разведением скота, возрастут, тогда как альтернативные издержки, связанные с выращиванием зерна, сократятся. В результате долгосрочная эффективность этих видов деятельности останется такой же, какой она была до перераспределения права на проход от фермеров к скотоводам.

ется. Естественно, что первые становятся беднее, а вторые — богаче (доход, который может быть получен таким образом, относится к категории «случайного» — windfall gain). Но само по себе изменение правового режима не имеет к этому непосредственного отношения.

Однако в последние годы даже эта частичная уступка критикам была поставлена под сомнение. Как убедительно продемонстрировал Д. Аллен, при соблюдении исходных условий, заложенных в теореме Коуза, эффект дохода не может иметь места по определению²⁷. Действительно, изъятие у фермеров без адекватного возмещения права на получение компенсации за потраву представляет собой очевидный пример экспроприации собственности и свидетельствует о ее недостаточной защищенности. Но недостаточная защищенность означает неполную спецификацию права собственности, что противоречит исходным условиям теоремы Коуза. Можно поэтому сказать, что полная спецификация прав собственности исключает саму возможность возникновения эффекта дохода. Требование полной спецификации предполагает, что любое перераспределение прав собственности осуществляется только по их реальной (рыночной) стоимости.

Поэтому в последние годы все шире стало признаваться, что при строгом соблюдении исходных условий теорема Коуза выполняется в ее «сильной» версии и что, следовательно, оговорку относительно эффекта дохода можно считать излишней. Так что упоминание об этом эффекте в «усовершенствованной» формулировке А. Олейника свидетельствует, по-видимому, лишь о том, что новейшая литература по теореме Коуза прошла мимо его внимания.

* * *

Заканчивая свои заметки, мне остается только спросить: если такую путаницу при интерпретации теоремы Коуза допускают авторы некоторых российских учебников по институциональной экономике, то какая же неразбериха должна царить в головах студентов, которым приходится по этим учебникам учиться?..

²⁷ См.: Allen D. W. What are Transaction Costs? // Research in Law and Economics. 1991. Vol. 14.

Приложение 1

Для полноты картины приведем оценки выигрышей фермера и скотовода при правовом режиме, при котором скотовод не несет ответственности за потраву:

Таблица П1. Чистые доходы скотовода и фермера при правовом режиме, при котором скотовод не несет ответственности за потраву — случай **А**

		Фермер	
		выращивать зерно	не выращивать зерно
Скотовод	заводить корову	(2; 0)	(2; 0)
	не заводить корову	(0; 1)	(0; 0)

Таблица П2. Чистые доходы скотовода и фермера при правовом режиме, при котором скотовод не несет ответственности за потраву — случай **В**

		Фермер	
		выращивать зерно	не выращивать зерно
Скотовод	заводить корову	(1; 0)	(1; 0)
	не заводить корову	(0; 1)	(0; 0)

В случае **А** заключение сделки по поводу потравы оказывается при данном правовом режиме невозможным: у скотовода отсутствует заинтересованность в ней, а рента фермера недостаточна, чтобы он мог «откупиться». Однако в случае **В** условия для заключения такой сделки имеются, так как теперь уже фермер оказывается в состоянии предложить достаточную плату за отказ скотовода от увеличения стада:

выигрыш скотовода = 1 долл. («взятка» от фермера за отказ от увеличения стада) = 1 долл.

выигрыш фермера = 1 долл. (рента от выращивания зерна) — 1 долл. («взятка» скотоводу за отказ от увеличения стада) = 0 долл.

В результате при правовом режиме, когда скотовод не несет ответственности за потраву, мы также обнаруживаем два эквивалентных исхода для случая **А** и три — для случая **В**:

Случай А

заводить корову/ выращивать зерно
(участники не вступают в сделку) = (2; 0)

заводить корову/ не выращивать зерно
(участники не вступают в сделку) = (2; 0)

Случай В

заводить корову/ выращивать зерно
(участники не вступают в сделку) = (1; 0)

заводить корову/ не выращивать зерно
(участники не вступают в сделку) = (1; 0)

не заводить корову/ выращивать зерно
(участники заключают сделку) = (1; 0)

Нетрудно убедиться, что когда закон находится на стороне скотовода, перечень возможных вариантов эффективного использования земельного участка оказывается точно таким же, как и когда закон находится на стороне фермера. Это можно рассматривать как подтверждение того, что выполняются оба требования теоремы Коуза — как эффективности, так и инвариантности. Изменение правовой позиции ведет только к перераспределению рент: при одном режиме больший выигрыш получает скотовод, при другом — фермер.

Приложение 2

Попытаемся описать в теоретико-игровых терминах взаимодействие между коузовскими фермером и скотоводом, предполагая, что закон находится на стороне фермера.

Границы возможного «торга» между ними будут определяться тем, что на языке теории игр обозначается термином «точки угрозы» (threat points). Эти точки показывают, на какой максимальный выигрыш могут гарантированно рассчитывать участники, если сделка между ними по той или иной причине не состоится. Естественно, что рациональные экономические агенты будут соглашаться на перераспределение прав собственности в ходе рыночного обмена лишь при одном непременном условии — если полученные ими от этого выигрыши окажутся не меньше тех, которые достались бы им при исходном распределении прав собственности. (Установить точки угрозы позволяет анализ платежных матриц того типа, что представлены в табл. 1 и 2. Из соответствующих ячеек этих таблиц видно, что для скотовода гарантированный выигрыш равняется 1 доллару в случае А и 0 долларов в случае В, а для фермера — 1 доллару в обоих случаях.)

Обратимся теперь к процессу самого «торга». В развернутой форме его можно представить в виде многошаговой игры, включающей три последовательных этапа. На *первом этапе* скотовод предлагает фермеру контракт. В контракте указывается величина «взятки», которую готов уплатить скотовод (в рассмотренных нами примерах это 1 доллар), а также максимальный объем производства зерна, который будет не вправе превышать фермер (в рассмотренных нами примерах это 0 ц). На *втором этапе* фермер решает принять или отвергнуть предложенный контракт. (Чтобы он ответил согласием, размер «взятки» не может быть меньше его threat point.) На *третьем этапе* скотовод определяет, каким — в зависимости от решения, принятого фермером, — должно быть поголовье его стада с тем, чтобы полученный им выигрыш оказался максимальным. Можно строго показать, что если оба участника действуют в соответствии с принципами рационального поведения и трансакционные издержки равны нулю, то тогда скотовод предложит фермеру такой контракт, от которого тот не захочет отказаться и который будет обеспечивать оптимальное размещение ресурсов²⁸.

²⁸ См.: Schweizer U. Externalities and the Coase Theorem: Hypothesis or Result? // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1988. Vol. 144. No 2.

«Торг» между ними может быть также описан в нормальной форме. Схематически его удобно представить как комбинацию из двух подыгр. Первая подыгра сводится к тому, что скотовод предлагает заключить контракт на следующих условиях: 1) фермер отказывается от выращивания зерна; 2) за это ему выплачивается некая «взятка». Если фермер отвечает согласием, то игра заканчивается, если нет, то происходит переход ко второй подыгре. В ней участники выбирают оптимальные стратегии, действуя уже полностью обособленно, — аналогично тому, как это предполагалось в платежных матрицах в табл. 1 и 2. Равновесные исходы подыгры 2 определяют точки угрозы в подыгре 1. Говоря иначе, они задают значения тех выигрышей, на которые гарантированно могут рассчитывать фермер и скотовод в рамках второй подыгры, если предложение о заключении контракта будет отвергнуто.

Пусть R_1 — это рента скотовода, R_2 — рента фермера, S — ущерб от потравы, а T — «взятка», предлагаемая фермеру за отказ от выращивания зерна. Если сделка по поводу потравы осуществится, выигрыш фермера составит T , а скотовода ($R_1 - T$). Естественно полагать, что стремясь минимизировать свои издержки по «подкупу» фермера, скотовод будет следовать простому правилу: всегда предлагать «взятку», равную наименьшей из трех величин — R_1 , R_2 или S . Другими словами, трансфертный платеж будет определяться им по формуле:

$$T = \min \{R_1; R_2; S\}$$

Альтернативные варианты взаимодействия между фермером и скотоводом в зависимости от соотношения величин R_1 , R_2 и S представлены в табл. ПЗ²⁹. При ее построении мы для простоты исходили из допущения, что если фермеру предлагается трансфертный платеж, соответствующий его точке угрозы, то этот платеж принимается (контракт заключается)³⁰.

²⁹ Если действует правовой режим, при котором скотовод несет ответственность за потраву, то тогда для описания подыгры 1 к стандартной матрице 2×2 нам следует добавить дополнительную строку сверху. Если же действует правовой режим, при котором скотовод не несет ответственности за потраву, мы должны для этого добавить дополнительный столбец слева.

³⁰ Эта условность соответствует сложившейся практике. Для удобства обычно считают, что когда агенту предлагают контракт, выигрыш от которого равен его точке угрозы, такой контракт всегда принимается (Schweizer U. Op. cit. P. 256).

Таблица ПЗ. Чистые доходы скотовода и фермера при наличии возможности заключить контракт по поводу потравы: общий случай*

		Фермер		
		выращивать зерно	не выращивать зерно	
С К О В О Д	заводить корову с выплатой «взятки»	<i>переход к подыгре 2</i>	$(R_1 - T; T)$	Подыгра 1
	↓			
	заводить корову без выплаты «взятки»	$(R_1 - S; R_2)$	$(R_1; 0)$	Подыгра 2
не заводить корову	$(0; R_2)$	$(0; 0)$		

* В рамках подыгры 1 решение фермера выращивать зерно означает отказ от предложенной «взятки», тогда как его решение не выращивать зерно означает согласие ее принять.

Вариант первый. Если наименьшей из трех величин окажется рента скотовода, то тогда «взятка», которую он предложит фермеру, составит R_1 . Однако в рамках подыгры 2 фермер может гарантированно получить R_2 . Ясно, что при таких условиях он не примет предложения скотовода, вследствие чего они обратятся к подыгре 2. В рамках этой подыгры скотоводу придется отказаться от идеи увеличения стада, так как его ренты будет недостаточно для выплаты фермеру компенсации за потраву. Производственную деятельность продолжит один фермер. Выигрыши участников составят 0 для скотовода и R_2 для фермера.

Вариант второй. Если наименьшей из трех величин окажется ущерб от потравы, то тогда «взятка», которую скотовод предложит фермеру, составит S . Это опять-таки будет меньше, чем гарантированный выигрыш фермера в рамках подыгры 2. Соответственно он отвергнет предложенный контракт как явно не отвечающий его интересам. Однако в этом случае ренты скотовода вполне хватит на то, чтобы полностью компенсировать ущерб, который его скот будет наносить посевам фермера. В результате производственную деятельность продолжат оба участника. Фермер (с учетом компенсации) получит R_2 , тогда как скотовод $(R_1 - S)$ ³¹.

³¹ Поскольку в первых двух вариантах скотоводу будет заранее ясно, что фермер отвергнет предложенную им «взятку», он может сразу же приступить к подыгре 2, минуя стадию подыгры 1.

Вариант третий. Если, наконец, наименьшей из трех величин окажется рента фермера, то «взятка», которую предложит ему скотовод, составит R_2 . Поскольку такая «взятка» совпадет с точкой угрозы фермера, он — в соответствии с принятыми нами допущениями — согласится ее принять. Сделка по поводу потравы состоится: фермер получит выигрыш в размере R_2 , скотовод — в размере $(R_1 - R_2)$. По условиям сделки фермер откажется от выращивания зерна, так что продолжать производственную деятельность будет один скотовод.

Рассмотрим теперь конкретный пример со следующими исходными величинами: рента скотовода — 4 доллара, рента фермера — 2 доллара, ущерб от потравы — 3 доллара. Такая ситуация предполагает, что в случае появления дополнительной коровы ущерб посевам окажется настолько большим, что фермер не только не получит никакого чистого дохода, но даже не сможет полностью возместить своих издержек по возделыванию пашни. Однако при правовом режиме, при котором скотовод несет ответственность за потраву, все эти потери будут автоматически перекладываться на него. Чтобы уменьшить их, ему вполне может оказаться выгодно предложить фермеру «взятку» за отказ от выращивания зерна³².

Выше мы исходили из допущения, что трансфертный платеж, при котором фермер покидает спорный участок, равняется его чистому доходу. Это, конечно, упрощение. Строго говоря, предложенная «взятка» должна превышать ренту фермера: иначе ему будет безразлично как действовать — выращивать зерно или нет. Так, в нашем примере это превышение могло бы варьироваться в интервале от 0 до 1 доллара. Однако для большей определенности мы предположим, что оно находится как раз посередине данного интервала (т.е. что дополнительный выигрыш от сделки по поводу потравы делится между фермером и скотоводом ровно пополам).

Это предположение является менее произвольным, чем могло бы показаться на первый взгляд. Вспомним, что теорема Коуза исходит из предпосылки полной спецификации прав собственности — включая, разумеется, и права на получение любых выгод от обмена (gains of trade). Но если эти права определены исчерпывающим образом, то тогда при совершении любой возможной сделки экономическим агентам

³² Понятно, что если действует правовой режим, при котором скотовод не несет ответственности за потраву, роли участников меняются и инициатором заключения симметричной сделки при определенных условиях может выступать фермер.

будет заранее ясно, кому причитается³³. Соответственно в мире с полностью специфицированными правами собственности вопрос о том, как следует поделить дополнительный выигрыш от контракта по поводу потравы, в принципе не мог бы возникнуть. Существовала бы однозначная схема дележа, основанная на имеющихся у фермера и скотовода правах собственности, которой бы они должны были строго придерживаться. (Конечно, это не обязательно был бы дележ в пропорции 50%/50%, как предположили мы.)

Таблица П4. Чистые доходы скотовода и фермера при наличии возможности заключить контракт по поводу потравы: числовой пример*

		Фермер		
		выращивать зерно	не выращивать зерно	
С К О В О Д	заводить корову с выплатой «взятки»	<i>переход к подыгре 2</i> [1; 2]	(1,5; 2,5)	Подыгра 1
	↓			
	заводить корову без выплаты «взятки»	(1; 2)	(4; 0)	Подыгра 2
не заводить корову	(0; 2)	(0; 0)		

* В рамках подыгры 1 решение фермера выращивать зерно означает отказ от предложенной «взятки», тогда как его решение не выращивать зерно означает согласие ее принять.

На какие выигрыши при таких условиях могли бы рассчитывать участники в зависимости от выбора ими той или иной стратегии? Как видно из табл. П4, в рамках подыгры 1 скотовод был бы готов предложить фермеру «взятку» в размере 2,5 доллара за отказ от выращивания зерна. В таком случае выигрыш фермера составил бы 2,5 доллара, а скотовода — 1,5 доллара. Это больше, чем они могли бы получить в

³³ См.: Allen D. W. Op. cit. Как замечает Д. Аллен, поскольку в мире с полностью специфицированными правами собственности никаких оснований для «торга» — в буквальном значении этого термина — не возникало бы, проблема двусторонней монополии решалась бы в нем мгновенно, без каких-либо издержек и трений.

рамках подыгры 2, когда фермер продолжал бы возделывать пашню, а скотовод был бы вынужден компенсировать все его потери от существования отрицательной экстерналии. Тогда они смогли бы заработать лишь 2 и 1 доллар соответственно (значения этих выигрышей воспроизводятся в верхней левой ячейке табл. П4, попадание в которую означает переход к подыгре 2). Очевидно, что в подобной ситуации оба участника предпочтут заключить сделку. Равновесный исход, обеспечивающий эффективную аллокацию ресурсов, будет достигаться в верхней правой ячейке табл. П4.

Из соображений экономии места я не буду выписывать аналогичные платежные матрицы с двумя подыграми для случаев **A** и **B**, которые подробно обсуждались в основной части работы. Читатель сможет без труда сделать это сам. Отмечу только, что описание «торга» между фермером и скотоводом в матричной форме приведено мною исключительно в иллюстративных целях³⁴. Содержательно оно не добавляет ничего важного или нового к тому анализу, который можно найти в работах Р. Коуза.

³⁴ Возможен другой подход, при котором в рамках подыгры 1 скотовод выбирает между стратегиями «давать/не давать «взятку»», фермер — между стратегиями «принимать/не принимать «взятку»», а сама «взятка» задается как фиксированная величина, равная ренте фермера. В этом случае «надстройку» в виде подыгры 1 можно представить так:

		выращивать зерно	не выращивать зерно	
		заводить корову с выплатой «взятки»	<i>переход к подыгре 2</i>	
не давать «взятки»	<i>переход к подыгре 2</i>	<i>переход к подыгре 2</i>		

Что касается подыгры 2, то она остается без изменений (такой же, как в табл. П3). Снова предположив для удобства, что для ухода фермера со спорного участка достаточно «взятки», равной ренте от выращивания зерна, можно показать, что в подобной игре равновесные исходы всегда будут отвечать критерию эффективности.

Оглавление

Новая версия теоремы Коуза?	4
Как определить «эффективного собственника»?	8
Эффект дохода	18
Приложение 1	22
Приложение 2	24

Препринт WP3/2006/02
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Редактор серии *В.Е. Гимпельсон*

Капелюшников Ростислав Исаакович

И еще раз — о теореме Коуза (критические заметки)

Публикуется в авторской редакции

Зав. редакцией *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Н.Е. Пузанова*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г. продлена до 14 октября 2003 г.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,8. Усл. печ. л. 1,86. Заказ № . Изд. № 605

ГУ ВШЭ, 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Тел.: (095) 134-16-41; 134-08-77
Факс: (095) 134-08-31
Типография ГУ ВШЭ, 125319, Москва, Кочновский проезд, 3